ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

О. Н. БАДЕР

ДРЕВНЕЕ ПОВЕТЛУЖЬЕ В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ЭТНОГЕНЕЗА МАРИ И РАННЕЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ

1

Особый научный интерес памятников ранней истории, расположенных на р. Ветлуге и более западной р. Унже, определяется прежде всего их географическим положением; они характеризуют культуру древних племен, обитавших между издревле различными этнокультурными областями Прикамья и Верхнего Поволжья, и, как это можно было заранее предвидеть, должны были на различных исторических этапах впитать в себя перекрещивающиеся, более или менее сильные влияния этих последних. В то же время мы вправе ожидать черты культурного своеобразия в обширной области Ветлужско-Унженского края, в особенности на позднейших этапах ее истории, ибо известные культурные особенности неизбежно должны были сложиться на территории, где происходило формирование марийских племен и марийского народа.

Поветлужье, без сомнения, входившее в эту территорию, имеет в данное время особый интерес для проблемы марийского этногенеза благодаря тому, что оно является лучше изученным в археологическом отношении, чем все прочие части упомянутой территории, хотя результаты исследований продолжают оставаться почти не опубликованными в печати.

В 80-х гг. XIX в. городища Поветлужья исследовались Ф. Д. Нефедовым, в 90-х гг.— А. П. Поливановым, в 1900-х — Н. М. Бекеревичем и В. И. Каменским. В 1908 г. первый могильник исследовался здесь П. П. Ефименко. В послереволюционный период, в 1925 и 1926 гг., Ветлужско-Унженский край изучался комплексной экспедицией Института антропологии Московского университета под руководством Б. С. Жукова, первым археологическим отрядом которой пришлось руководить автору. Материалы Ветлужской экспедиции МГУ легли в основу настоящего очерка. К перечню важнейших археологических работ в Поветлужье необходимо добавить лишь раскопки М. П. Званцевым могильника XII—XIII вв. у хутора Веселова в 1929 г.

2

Какие бы то ни было данные для суждения о палеолитическом населении Поветлужья и смежных ему областей отсутствуют. Ближайший позднепалеолитический памятник к западу — Карачаровская стоянка на Оке — отличается особенностями, типичными для палеолита Восточной

Европы [1]; ближайший палеолитический памятник на восток — стоянка Талицкого на Чусовой — обладает сибирскими чертами [2]. Характер позднепалеолитических памятников, обнаруженных в 1949 г. О. С. Хованской и Н. Ф. Калининым (Казань) близ Мензелинска и Т. А. Медведевой (Молотов) у с. Мысы близ устья Камы, не поддается более близкому определению.

Памятники мезолита и даже неолита также не известны в Поветлужье, да и в смежной части Поволжья они, строго говоря, еще не изучены, если не говорить об отдельных находках. Однако из сопоставления этих последних с неолитическими остатками из ближайших, относительно хорошо изученных районов на западе и востоке все же можно сделать некоторые заключения.

На западе таким ближайшим районом является Балахнинская низина с ее многочисленной группой типично неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой [3], всецело принадлежащих к обширной этнокультурной области волго-окского неолита [4]. На востоке, в Прикамье, за последние годы удалось выявить ряд неолитических поселений, предшествующих появлению металла, отличающихся от неолитической культуры Волго-Окского района отсутствием круглоямочного орнамента на глиняной посуде и рядом других особенностей [5]. Эта камская неолитическая культура с зубчатой керамикой охватывала все течение Камы и, судя по материалам Казанского музея, распространялась на противоположный берег Волги — по крайней мере в районе Свияжска. Здесь необходимо отметить, что подавляющая часть стоянок района Казани, издавна фигурирующих в нашей литературе в качестве неолитических, на самом деле является более поздней, а ряд прочих стоянок между Ветлугой, Волгой и Прикамьем, довольно подробно описанных А. П. Смирновым [6], не может быть здесь использован вследствие отсутствия иллюстративных материалов к ним и их точного культурного определения и датировки. Все же, насколько можно судить по характеристике стоянок Чувашии, приведенной у В. Ф. Смолина [7], П. П. Ефименко [8] и П. Н. Третьякова [9], на них почти отсутствует керамика с круглоямочным орнаментом и преобладает керамика с зубчатым орнаментом, что скорее говорит о большей культурной близости неолитических племен чувашско-марийского Поволжья к населению камского бассейна. Необходимо изучение памятников неолита в этой части Поволжья, без чего даже на поставленный здесь вопрос не может быть дано четкого ответа.

3

Древнейшим историческим памятником Поветлужья является стоянка на плоском дюнном всхолмлении «Паново городище», расположенном

---

[1] С. Н. Замятнин, Карачаровская палеолитическая стоянка, Аспирантский сборник ГАИМК, 1929.

[2] М. В. Талицкий, Палеолитическая стоянка на р. Чусовой. Бюлл. Комиссии по изуч. четверт. периода, 1940, № 6—7; О. Н. Бадер, Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком, Ученые зап. Молот. ун-та, т. V, вып. 2, 1947.

[3] А. А. Спицын и В. Каменский, Стоянка каменного века близ г. Балахны, Зап. отд. русск. и слав. арх. Русск. арх. об-ва, т. VII, вып. 1, 1905.

[4] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины, Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934.

[5] О. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья, Молотов, 1950.

[6] А. П. Смирнов, Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья, Козьмодемьянск, 1949.

[7] В. Ф. Смолин, Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г., Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те, т. XXXIII, вып. 4.

[8] П. П. Ефименко, Средневолжская экспедиция 1925—1927 гг., Сообщения ГАИМК, т. II, 1929.

[9] П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, Чувашгосиздат, Чебоксары, 1948.

в пойме р. Ветлуги выше гор. Ветлуги, у с. Рождественского. Открытая в 1925 г. автором и вслед за тем исследованная Б. С. Жуковым, эта стоянка дала каменный инвентарь и керамику, подразделенную исследователем на семь разнородных комплексов, с нашей точки зрения ошибочно отнесенных им целиком к раннеананьинскому времени, поводом к чему послужило стратиграфическое единство культурного слоя и смешанное залегание в нем различных по их облику остатков. Но мы теперь знаем, что памятники с рыхлой, песчаной поверхностью постоянно демонстрируют нам смешанное залегание остатков самых различных эпох, почему и некоторые культурные комплексы Панова городища необходимо рассматривать отдельно и датировать их сообразно их характеру. Они говорят о неоднократном заселении плоской вершины бугра на протяжении по крайней мере тысячелетия.

Следы первоначального заселения Пановской стоянки сохранились в виде довольно многочисленного каменного инвентаря и наиболее многочисленной на памятнике архаичной керамики. Инвентарь кремневых орудий имеет поздний облик, что находит хронологическое обоснование в виде наконечника стрелы с усеченным основанием (рис. 1, *2*), одного из сейменских типов.

44-972

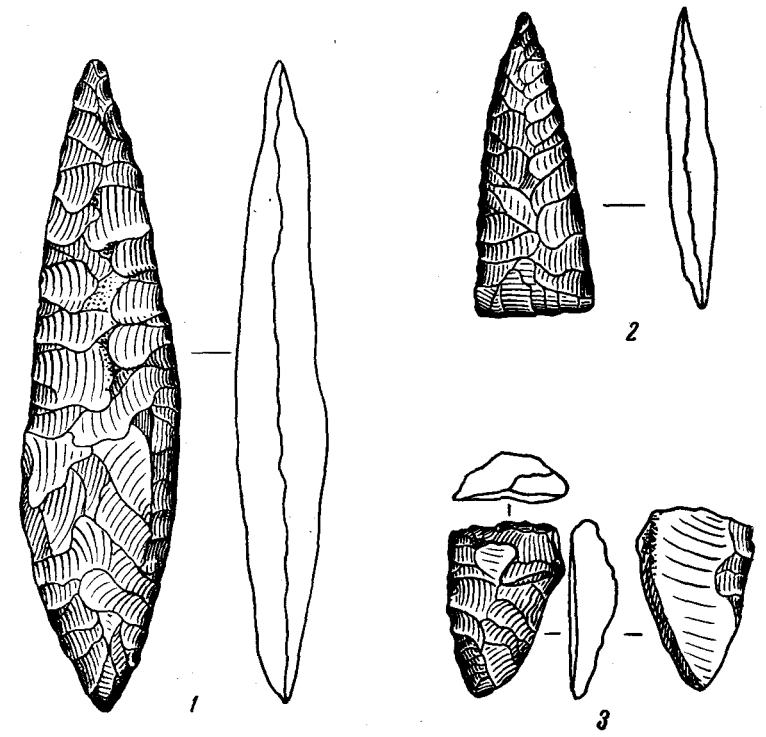

Рис. 1. Кремневые орудия Пановской стоянки (нат. вел.)

Керамика характеризуется наличием незначительных растительных примесей к глиняному тесту, выгоревших при обжиге, полуяйцевидной формой сосудов с относительно округлым дном и диаметром шеек от 5 до 14 см, следами обработки внутренней поверхности зубчатым орудием, зубчатым и неправильно ямочным орнаментом с преобладанием зубчатого, со следами линейного насечного и с несплошным заполнением орнаментального поля (рис. 2).

В целом ранний комплекс Пановской стоянки весьма характерен и далеко не одинок. Он совпадает, с одной стороны, с керамикой группы Б

А Н. С. С. Р.

стоянок Балахнинской низины [10] и, с другой, с многочисленными стоянками второй половины II тыс. до н. э. в Прикамье [11]. Дата его может быть определена по совокупности признаков, как вторая половина II тыс. до н. э.

Таким образом, Пановская стоянка на Ветлуге принадлежит к огромному, довольно однородному этнокультурному массиву, тесно связанному с Приуральем и занимавшему в эпоху бронзы территорию Прикамья, волжского левобережья, Поветлужья, низовья Оки и, повидимому, часть Верхнего Поволжья, включая северную левобережную половину Костромского края, в том числе район Галича. Вопрос о связи подобных

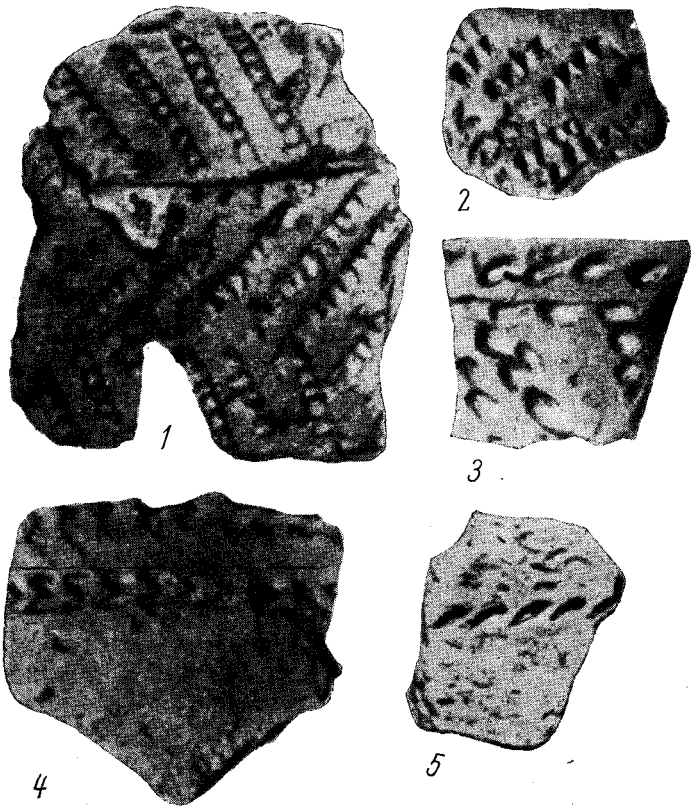

Рис. 2. Древнейшая керамика Пановской стоянки

поселений с могильниками сейменско-турбинского типа поставлен нами [12], но требует дальнейшего изучения.

По аналогии с камскими стоянками того же типа можно полагать, что население той эпохи в Поветлужье, помимо охоты и рыболовства, уже занималось скотоводством, было знакомо с мотыжным земледелием и, вероятно, находилось в состоянии, близком к переходу от материнского к отцовскому роду.

---

[10] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины.
[11] Н. А. Прокошев, Некоторые итоги изучения позднеэолитических стоянок района устья р. Чусовой, Бюлл. Комиссии по изуч. четверт. периода, 1940, № 6—7.
[12] О. Н. Бадер, Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции, «Краткие сообщения ИИМК», XXVI, 1949.

4

Несколько более позднее время,— видимо, конец II и начало I тыс. до н. э.— характеризуют в Поветлужье две другие группы керамики Пановской стоянки. Одна из них хорошо представлена обломками сосудов с «текстильными» отпечатками, столь распространенными в соседних с запада районах Поволжья близ Костромы и на Нижней Оке. Форма этих сосудов устанавливается как близкая к полуяйцу или с уплощенным дном; шейки прямые, плечи заметно выражены. Орнамент исключительно ямочный в виде редких вдавлений, расположенных в области шейки и плеч. Диаметр шеек варьирует между 34 и 16 см с преобладанием диаметров от 28 до 20 см.

Другая группа керамики отлична от описанных ранее и представлена плоскодонными сосудами баночной или горшковидной формы с диаметром от 22 до 10 см, с примесью шамота к глине, со сглаженной поверхностью, с орнаментом на шейках и частью на плечах в виде ямочных, зубчатых и линейных вдавлений. Эта керамика ближе всего стоит к керамике степных срубно-хвалынских племен конца бронзовой эпохи.

Обе последние группы керамики часто сочетаются на поселениях поздняковского типа на Оке, а также в восточной части Верхнего Поволжья и в районе Казани. Их сочетание, а нередко и полное слияние отражают слияние местного населения с придвинувшимися с юга в середине II тыс. племенами скотоводов и земледельцев (культура срубного типа), что сопутствовало ксеротермическому смещению к северу ландшафтных зон [13]. Непосредственное влияние степных племен с их более интенсивным хозяйством и более развитой культурой ощущалось, следовательно, в конце II и начале I тыс. до н. э. и в Поветлужье и должно было оказать прогрессивное воздействие на развитие местной культуры.

Существенно важен факт отсутствия в это время «текстильной» и плоскодонной баночной керамики в верхнем, а, кажется, и в среднем Прикамье. Таким образом, Поветлужье у грани II и I тыс. до н. э. входило в очень широкую зону расселения скотоводческо-земледельческих племен, сформировавшихся между Камой, Волгой и Днепром вдоль отодвинувшейся южной границы леса в результате более или менее интенсивного культурного взаимодействия и прямого смешения со степными племенами срубной культуры. Это смешение было связано и с привнесением свежей европеоидной струи в антропологический состав населения указанной зоны, в частности и Поветлужья, где есть основания предполагать наличие монголоидных примесей уже с древнейших времен.

5

Следующий по времени исторический этап представлен в Поветлужье городищами, относящимися целиком уже к железному веку.

Материал, добытый нашими обследованиями и раскопками на 12 городищах Ветлуги и Унжи, очень разнообразен, охватывает более чем два тысячелетия, но поддается стройной систематизации, особенно в своей ранней части, богаче представленной. При этом стержневым, исходным в культурно-стратиграфическом отношении памятником является Одоевское городище, где добытые нами остатки материальной культуры были четко подразделены на три разновременных комплекса в соответствии с залеганием их в трех различных слоях, отделенных друг от друга на склоне городища пластами песка и глины, появившимися здесь в резуль-

[13] О. Н. Бадер, К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла, «Вестник древней истории», 1939, 3.

тате древних земляных работ по ремонту и усилению укреплений городища (рис. 3).

Древнейший, первый период истории ветлужских городищ представлен нижним, третьим от поверхности культурным слоем Одоевского городища (рис. 3). Вполне аналогичный материал собран также на Пановской стоянке, на однослойном Русенихинском городище и во втором, нижнем слое Богородского. Русенихинское городище со своим относительно невысоким валом является единственным из древнейших городищ Поветлужья, не тронутым позднейшими переделками и подсыпками земляных укреплений.

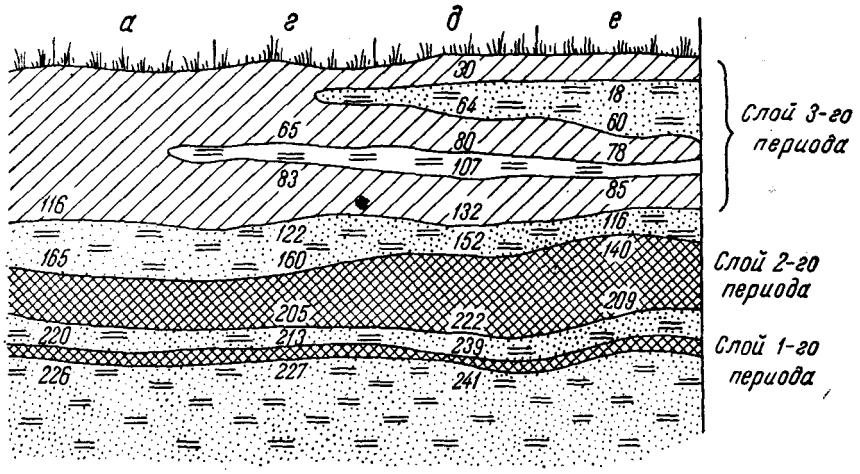

Рис. 3. Разрез культурных слоев Одоевского городища у основания вала (Буквы обозначают участки, цифры—глубину от поверхности в см)

Керамика первого периода на всех трех городищах, где она представлена, по М. В. Воеводскому, изучавшему керамику ветлужских городищ, объединяется по основным признакам в вполне однородную группу. Ни на одном из городищ первого периода вместе с керамикой не найдено сколько-нибудь характерных предметов из кости, камня или металлов, которые были бы достоверно связаны с древнейшим слоем; каменный же инвентарь Пановской стоянки, очевидно, относится к гораздо более раннему времени вместе с соответствующей ему керамикой. Поэтому время и культурная принадлежность ветлужских городищ первого периода должны сейчас определяться только на основании сравнительного анализа керамики.

Аналогии рассматриваемой керамики устанавливаются легко: они имеются на городищах Прикамья и отсутствуют на городищах Верхнего Поволжья, Оки и ее южных притоков, где глиняная посуда исключительно плоскодонная и почти всегда покрыта «текстильными» или широкозубчатыми отпечатками в виде рогожи. С керамикой же вятско-камских городищ глиняная посуда ветлужских городищ первого периода сходна по всем основным признакам: по форме (в виде круглодонных горшков и чашек), примеси толченой раковины к глиняному тесту, преобладающему шнуровому орнаменту, общему характеру прочих орнаментальных мотивов и расположению орнамента на сосуде. После этих сопоставлений культурная родственность населения древних ветлужских городищ и населения камского бассейна не оставляет сомнений.

При детальном сравнении с материалом изданных и хорошо датированных вятско-камских городищ видно, что керамика раннего периода

ветлужских городищ наиболее близка керамике Галкинского [14], Грохан-ского [15] и Пижемского [16] городищ, т. е. наиболее древних городищ Прикамья. Близость эта выражается в обилии здесь и там шнурового орнамента [17], наличии орнамента в виде редких круглых ямок, опоясывающих шейку (частью среди шнуровых оттисков), зубчатых (гребенчатых) отпечатков на шейке, принимающих вид зигзагов на плечах, далее — в присутствии относительно высоких, резко отогнутых шеек (табл. IV, 14, 15, 16 в Галкинском городище), которые мы считаем здесь архаичными. Более поздние городища Прикамья не так близки ранним ветлужским, что будет показано в дальнейшем изложении.

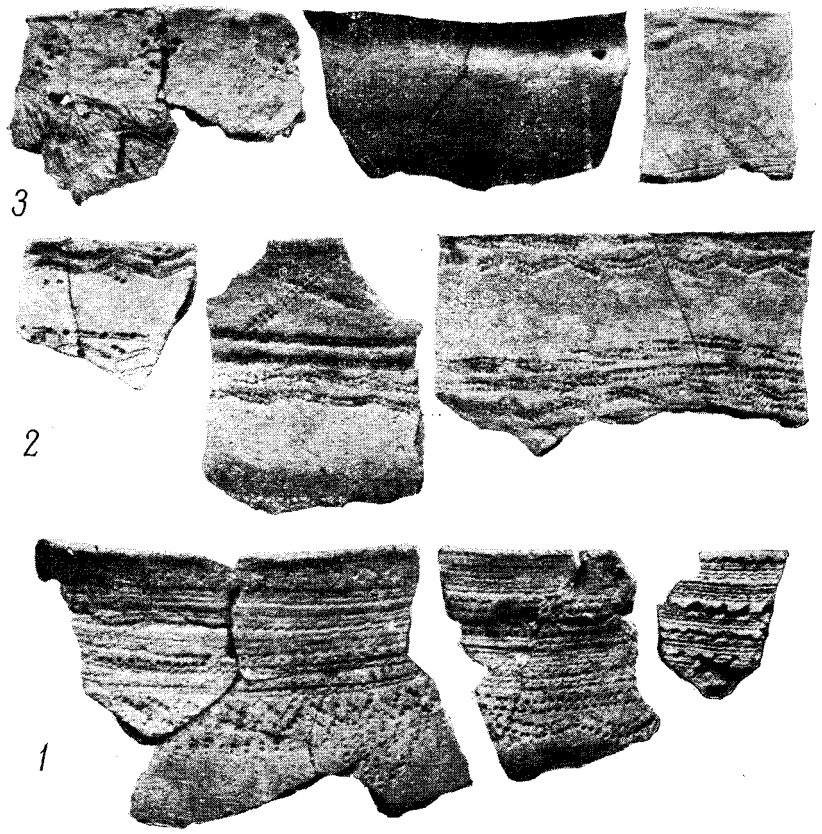

Рис. 4. Керамика из трех слоев Одоевского городища: нижний — первый период, средний — второй период, верхний — третий период

На этом основании время ветлужских городищ первого периода, по аналогии с датами Галкинского, Грохан ского и Пижемского городищ, может быть определено как VII—IV вв. до н. э. Однако относительное обилие шнурового орнамента в ветлужских комплексах говорит о необходимости сузить эту дату в ее верхней части; так, в Свиногорском

[14] А. В. Збруева, Галкинское городище, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1, 1940.

[15] А. В. Збруева, Городище Грохань, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

[16] А. В. Збруева, Пижемское городище, Изв. ГАИМК, 106, 1935.

[17] Ср. наш рис. 4 и рисунки в указанных работах А. В. Збруевой.

городище и Конецгорском селище, относящихся к IV—III вв., судя по публикациям А. В. Збруевой, шнуровой орнамент встречается реже. Таким образом, наиболее вероятная дата ветлужских городищ первого периода — VII—V вв. до н. э.

Результатами сделанных сравнений определяется не только время, но и культурная принадлежность ветлужских городищ. Они должны быть отнесены к ананьинской культуре, центром распространения которой было Прикамье.

Однако вывод этот не может быть принят безоговорочно, так как, помимо общего сходства, ветлужские городища имеют и некоторые различия с вятско-камскими, которые уже сейчас могут быть сформулированными. Так, в Поветлужье на шейках сосудов совершенно отсутствует своеобразное утолщение с уступчиком внизу, так называемый «воротничок», столь типичный для ананьинской посуды Прикамья. Вместо «воротничка», на некоторых сосудах первого периода имеется в нижней части шейки своеобразная выпуклость, имевшая, повидимому, орнаментальное назначение, так как на ее выпуклости с наружной стороны орнамент гораздо лучше заметен; эта деталь в известной мере заменяет камский «воротничок», но все же «воротничком» не является и к тому же встречается редко. Далее, на ветлужской керамике больше шнурового орнамента и вообще орнамент богаче, чем на Каме, включая и такие относительно сложные фигуры, как крестики из треугольных ямочек, концентрические кружки из круглоямочных вдавлений, система ромбов с точками внутри и других фигур (рис. 4). На Ветлуге очень редок волнистый орнамент из шнуровых отпечатков, нередкий в Прикамье (например, Галкинское городище, табл. V, 19, Пижемское городище, рис. 45, 3 и т. д.); на Ветлуге аналогичный рисунок чаще составлялся из ямочных отпечатков. Наконец, и в Галкинском городище и даже в гораздо более близком Пижемском много сосудов почти без орнамента, лишь с поясками редких ямочных или гребенчатых отпечатков, и сосудов совсем без орнамента, тогда как в ранних слоях ветлужских городищ все без исключения сосуды орнаментировались и притом довольно богато. Ананьинская керамика вятских городищ гораздо ближе камской, чем ветлужская вятской.

Исходя из этого, для Поветлужья можно говорить об особом, своеобразном варианте ананьинской культуры, созданной там, видимо, несколькими тесно связанными в своем историческом развитии племенами, родственными ананьинским племенам Прикамья.

Связь, общение ананьинского населения Поветлужья с населением Прикамья осуществлялись не через ветлужско-вятский водораздел, но по Волге, о чем говорит культурная близость с ветлужскими волжских городищ — городища Копань близ Козьмодемьянска (раскопки Е. И. Горюновой) и селища под городищем Малахай в Чувашии (раскопки П. П. Ефименко)[18],— расположенных между Ветлугой и Камой.

Городище Копань, по Е. И. Горюновой, принадлежит к типу ветлужских. Керамика из-под городища Малахай особенно близка керамике Богородского городища на Ветлуге[19]. Следует ожидать, что дальнейшее изучение волжских городищ подтвердит принадлежность их к тому же варианту ананьинской культуры, что и в Поветлужье.

На Богородском и Русенихинском городищах в культурных отложениях первого периода сохранились в небольшом количестве остатки фауны. По данным определявшего их А. Н. Формозова[20], здесь пред-

[18] П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948.

[19] Л. И. Вараксина, Костеносные городища Камско-Вятского края (по коллекциям Археологич. музея Об-ва арх. ист. и этногр.), Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929.

[20] А. Н. Формозов, Материалы к истории фауны Поветлужья. Рукопись.

ставлены лось, медведь, бобр, выдра, куница, водяная крыса, а из домашних — лошадь, корова и свинья. Количественное соотношение, благодаря малочисленности остатков, не представляет интереса.

6

Говоря о раннеананьинском культурном наслоении ветлужских городищ, необходимо коснуться вопроса о его происхождении. Вопрос этот прежде всего упирается в общую проблему происхождения ананьинской культуры, которая уже не раз затрагивалась в новейшей советской литературе.

А. В. Збруева, крупнейший специалист в этой области, основываясь главным образом на материалах раскопок Ананьинской и Луговской стоянок, а также на сходстве некоторых ананьинских бронзовых кельтов и копий с аналогичными орудиями сейменской культуры, пришла к выводу, что ананьинская культура образовалась из двух слагающих элементов: южного, степного, срубно-хвалынского и лесного, сейменского [21]. А. П. Смирнов считает, что в области Нижнего Прикамья и Поволжья между Камой и Ветлугой «ананьинская культура являлась продолжением культуры приволжских стоянок, которые на последней стадии характеризуются господством сетчатой керамики» [22]; севернее в ее основе лежит «луговская культура» и еще севернее — среднекамская; в то же время одним из ее слагающих компонентов являлся сибирский элемент. При этом, по мнению А. П. Смирнова, в процессе сложения ананьинской культуры на нее влияли абашевская, сейменская, срубно-хвалынская и позднее скифская культуры [23]. Столь сложная картина не вносит ясности в рассматриваемый вопрос; в основе ее лежит простое выведение новой культуры из всех предшествующих на той же территории без различия их характера, с присовокуплением сюда всех влияний, которые можно усмотреть на основании типологического анализа ананьинских вещей. Мы не можем целиком согласиться в этом вопросе ни с одним из названных авторов, хотя точка зрения А. В. Збруевой очень близка нам. Более того, мы не можем даже считать ананьинскую культуру Поветлужья, Поволжья, а вероятно, и Нижнего Прикамья культурой местного происхождения.

В самом деле: обратим внимание на многочисленные позднейшие стоянки, выявленные между Нижней Камой и Ветлугой; это такие стоянки, как Кокшайская [24], три стоянки у д. Займищи [25], у озера Вороний Куст, две стоянки у д. Дальняя Поповка, стоянка у д. Малые Отары, у Малого и Большого Бугров, Победиловская, две стоянки у д. Большие Отары, Карташихинская, Табаевская [26], позднейшая из них (?) Казанская стоянка [27] и целый ряд относящихся сюда же отдельных местонахождений. К числу стоянок этого типа А. П. Смирнов относит по бассейну Вятки Мосинскую стоянку в б. Уржумском у., Галманскую стоянку в б. Яранском у. и стоянку у д. Кресты. Ближе к устью Ветлуги

---

[21] А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.

[22] А. П. Смирнов, Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья.

[23] Там же.

[24] П. Кротов, О новых поселениях каменного века в Казанской губ., Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те, XXI, вып. 3

[25] А. П. Смирнов, Археологические памятники на территории Марийской АССР.

[26] А. Штукенберг и Н. Высоцкий, Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии, Труды Об-ва естествоисп. при Казанск. ун-те, т. XIV, вып. 5, 1885: Н. А. Прокошев, Памятники эпохи бронзы в устье Камы, «Краткие сообщения ИИМК», XXV, 1949.

[27] Н. Ф. Калинин, Казанская стоянка, «Историко-археол. сборник Ин-та краеведч. и музейн. работы», М., 1948.

аналогичная стоянка — селище известна у поселка Мари-Луговой [28]. Сюда же относится и Пановская стоянка на Ветлуге [29].

Упомянутые памятники волжского левобережья и прилежащих районов Камско-Вятско-Ветлужского края очень плохо изданы, что крайне затрудняет возможность их самостоятельного научного определения. Пользуясь предварительными указаниями перечисленных старых авторов, упомянутыми публикациями Горюновой, Калинина и Прокошева, а также очень ценной сводной работой Смирнова [30], можно заключить, что перечисленные стоянки относятся к концу II — началу I тыс. до н. э. и представляют собой довольно целостную в культурном отношении группу. Ее характеризует прежде всего своеобразная керамика — плоскодонная, баночной и слабо выраженной горшковидной формы, покрытая по наружной поверхности отпечатками ткани («текстильная», «сетчатая» керамика) и зубчатым орнаментом, который, как и форма, сближает ее с памятниками смежной с юга степной срубно-хвалынской культуры.

Область распространения перечисленных стоянок по волжскому левобережью велика: диаметр ее между крайними пунктами (ветлужской стоянкой Паново городище и усть-камскими стоянками) по прямой равен 400 км. Но указанная территория отнюдь не исчерпывает распространения памятников этого типа. Они известны и на правобережье Волги (например, у д. Криуши близ пристани Козловка в Чувашии), выше по Волге по направлению к г. Горькому и, далее, прекрасно выявлены в бассейне Нижней и Средней Оки, где они являются позднейшими поселениями поздняковской культуры, появившейся на Оке в результате сдвига к северу степных срубно-хвалынских племен в засушливый ксеротермический период [31]. Этот сдвиг к северу степных племен скотоводов и земледельцев, связанный со смещением ландшафтных зон, охватил, конечно, не только окский бассейн, но более широкую полосу южной части лесной зоны, простиравшуюся на восток вплоть до Урала, где в Нижнем Прикамье далеко на север в это время внедряются памятники срубно-хвалынской культуры (район Казани, Ананьинская и Луговская стоянки) и восточнее — андроновской культуры (Луговская стоянка, Горбуновская стоянка в тагильском Зауралье и пр.) [32]. Происходивший в результате передвижения степняков-скотоводов непосредственный контакт и затем смешение их с местным рыболовно-охотничьим населением на всем протяжении северной границы срубно-хвалынских племен от Средней Оки до Нижней Камы включительно привели во второй половине II тыс. до н. э. к образованию на этом пространстве обширной группы новых племен, включивших культурные элементы пришлого населения (баночную форму сосудов с соответствующим орнаментом, развитое скотоводство) и аборигенных жителей («текстильную» керамику, местные архаичные формы некоторых каменных орудий, более развитую охоту и пр.). На западе, на Оке, эти новые племена, вероятно, объединились в союз племен, оставивших нам многочисленные однообразные памятники поздняковской культуры; далее, на восток, в Мордово-Чувашском крае,— это, вероятно, поселения криушинского

[28] Е. И. Горюнова, Мари-Луговской могильник и селище, «Проблемы истории докапит. об-ва», 1934, № 9—10.

[29] В. С. Жуков, Стоянка пережиточной каменной культуры «Паново городище» Ветлужского уезда. Рукопись хранится в архиве Ин-та антропологии Московского гос. ун-та.

[30] А. П. Смирнов, Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре.— К сожалению, работа не иллюстрирована, что ограничивает возможность ее использования.

[31] О. Н. Бадер, К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. Вестн. древней истории, 3, 1939.

[32] О. Н. Бадер, Некоторые вопросы палеогеографии Северо-восточной Европы и Урала в свете археологических данных, «Материалы по четвертичному периоду СССР», II, 1950.

типа и им близкие; в Среднем Поволжье и на Нижней Каме — казанская культуры; но все эти ископаемые культуры родственны по происхождению и близки по своему облику, иллюстрируя и этнокультурную близость создавших их древних племен, объединявшихся «срубным» элементом. Особенно велика близость позднейших стоянок района Казани с позднейшими же поселениями поздняковской культуры на Нижней Оке типа Ефановской стоянки, относящейся к началу последнего тысячелетия до н. э.,— ко времени, непосредственно предшествующему сооружению городищ.

К северу от этих культур, возникших в результате скрещения со степной срубно-хвалынской, распространялись лесостепные и лесные культуры скотоводов и охотников: в Верхнем Поволжье фатьяновская, а в восточном Заволжье, Среднем Прикамье и в Среднем Приуралье — сейменская и турбинская [33].

В южном, преимущественно левобережном Прикамье, видимо, формировалась своеобразная культура с керамикой, близкой ананьинской, на основе взаимодействия местной, срубно-хвалынской, балановской и абашевской культур, что нашло там свое отражение как в предананьинских, так и в раннеананьинских памятниках (Маклашеевка и др.).

В VIII—VII вв. до н. э., когда в силу дальнейшего развития патриархально-родового общества, связанного с прочным внедрением в быт железных орудий, дальнейшим развитием мотыжного земледелия и появлением элементов военной демократии, повсеместно появляются укрепленные поселения-городища, на базе культур древних стоянок с «текстильной» керамикой — поздняковской, мордово-чувашской и казанской, а также и более северной верхневолжской (фатьяновской) — складываются новые племена, новая широко распространенная культура: культура городищ дьяковского типа, характеризующаяся также «текстильной» керамикой баночной и горшковидной формы.

Процесс становления дьяковской культуры, знаменующей новый, крупный исторический этап, целиком вытекающий из предшествующих местных культур стоянок с «текстильной» керамикой, особенно ясно и наглядно прослеживается на Нижней Оке, где позднепоздняковское Ефановское поселение (как упоминалось, особенно близкое приказанским стоянкам) имеет чрезвычайно убедительные черты сходства в керамике с расположенным по соседству раннедьяковским Кондраковским городищем.

Аналогичным образом и в средневолжском левобережье на близкой культурной базе, характеризующейся поселениями с «текстильной» керамикой, возникают в тот же период городища и селища дьяковского же типа. Доказательством может служить «текстильная» керамика, притом раннего типа, обнаруженная на городище Копань на Волге, на городище Малахай в Чувашии и на городище Грохань близ устья Вятки; на последнем ее мало, но она связана там с позднесрубной и, следовательно, не случайна. Керамика этих возникших раннедьяковских городищ чрезвычайно близка, частью тождественна керамике несколько более ранних стоянок и резко отличается от ананьинской.

Мнение о сложении ананьинской культуры в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье на базе культуры стоянок с «текстильной» керамикой представляется необоснованным. Обращаясь к керамике (а другие данные почти отсутствуют и тоже не говорят в пользу этой связи), мы видим, что в стоянках, непосредственно предшествующих здесь ананьинской культуре, преобладает керамика плоскодонная, а в ананьине — круглодонная; на стоянках она имеет примесь дресвы и шамота, а в ананьине — примесь органических остатков; на стоянках поверхность

[33] См. карту в нашей статье «К вопросу о Балановской культуре», «Советская этнография», 1950, 1.

сглажена и покрыта оттисками ткани, в ананьине она обработана зубчатым инструментом (штампом) и т. п.

В то же время, в Волго-Камье есть древняя культура конца бронзовой эпохи, имеющая много общих черт с ананьинской и генетически с ней связанная. Это не срубно-хвалынская и не андроновская культура, и не луговская (А. П. Смирнов), которая вообще представляется неясной; это — культура среднекамских стоянок второй половины II тыс. до н. э. типа Астраханцевской и Бор II (раннюю часть которых есть основание считать поселениями турбинской культуры). В самом деле: керамика этих стоянок, как и ананьинская,— круглодонная; имеет органические примеси к глиняному тесту и обработана по поверхности зубчатым инструментом (штампом). Черты сходства в керамике в данном случае особенно важны, так как керамика как относительно сложный элемент культуры, имеющий непосредственную связь с идеологией, является элементом гораздо более консервативным, чем орудия труда и оружие. Но и в инвентаре этих предметов связь между турбинской и ананьинской культурами (через борский этап) налицо: она выражается в сходстве втульчатых топоров-кельтов и наконечников копий, отмеченном Збруевой.

Мы не отрицаем роли, которую сыграли в исторических судьбах древнего Прикамья южные культуры — андроновская и срубно-хвалынская,— они должны были повлиять прежде всего на самое сложение сейменско-турбинских племенных массивов в южной полосе лесов; но ни андроновская, ни срубно-хвалынская культуры не составили существенных компонентов для формирования обширного ананьинского этнокультурного единства. Это могло лишь отчасти иметь место в южном Прикамье,— здесь А. В. Збруева в известной мере права,— но южное Прикамье не являлось основной областью ананьинского этногенеза.

Представляется наиболее вероятным, что основной областью формирования ананьинской культуры были не Нижнее Прикамье, как это вытекает из опубликованных до сего времени работ А. В. Збруевой, а ближайшее Приуралье с Верхним и Средним Прикамьем, где этот процесс совершился на базе турбинской и местной же предананьинской борской культуры [34].

И сейменско-турбинские, и борские, и ананьинские племена были тесно связаны с Сибирью, прежде всего с Зауральем, которое временами, быть может, даже входило частично в их межплеменные объединения; отсюда делаются понятными и сибирские элементы и в сейменско-турбинской, и в ананьинской культурах.

Очень тесная связь прикамского населения в ананьинскую эпоху с Зауральем подтверждается целым рядом фактов. Значительное сходство приуральской и зауральской культур этого времени говорит о родственности создавшего их населения. Больше того, в I тыс. до н. э., видимо, происходило движение населения с востока на запад, через Урал. Об этом говорит густая примесь толченого талька к керамике предананьинского времени, обнаруженной нами в низовьях Чусовой, и примесь тальковой керамики в Галкинском городище и Конецгорском селище, хотя талька в этих районах, по справке геологов, нет. Весьма убедительным доводом в пользу движения из-за Урала является присутствие архиморфного, еще не смешанного монголоидного антропологического типа в составе ананьинского населения в районе Елабуги [35].

Появление ананьинских племен на Нижней Каме, в Среднем Поволжье и на Ветлуге следует рассматривать в качестве мощной, наиболее западной волны этого движения, значительно расширившей основ-

[34] О. Н. Бадер, Камская археологическая экспедиция в 1949 г., «Краткие сообщения ИИМК», XXXIX, 1951.

[35] Т. А. Трофимова, Антропологический тип ананьинской культуры в Приуралье, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.

ную ананьинскую территорию, лежавшую в области Среднего Прикамья и Приуралья. Это произошло в VII в. до н. э., когда в Среднем Поволжье уже существовали первые городища дьяковского типа. Так, А. В. Збруева «текстильную» керамику с примесью типичной позднесрубной на городище Грохань близ устья Вятки относит к раннему культурному слою этого памятника, предшествовавшему образованию ананьинского слоя [36]. «Текстильная» керамика городища Малахай была в свое время по просьбе П. П. Ефименко описана автором [37], который тогда же пришел к выводу о ее весьма раннем характере. То же, насколько нам известно, можно сказать о «текстильной» керамике городища Копань близ Козьмодемьянска.

Время смены раннедьяковских слоев ананьинскими на городищах Нижней Камы и Среднего Поволжья лучше всего определяется по городищу Грохань, которое, к тому же, расположено ближе других к исконной ананьинской области и одно из первых должно было подвергнуться захвату: дата наиболее ранних ананьинских предметов Грохан-ского городища VII в. К тому же времени можно отнести и наиболее ранние ананьинские памятники Поветлужья, как Русенихинское городище и Пановское селище.

В районах, близких к устью Камы и Казани, памятники ананьинской культуры особенно далеко заходят на юг (могильники у Гулькина, близ пределов Ульяновской обл. и у Пустой Морквашки близ Свияжска), а к западу, вверх по Волге (Малахай, Копань и пр.), достигают Ветлуги и занимают ее целиком.

Отдельные находки ананьинской шнуровой керамики были обнаружены значительно выше по течению Волги и на Оке. Такова ананьинская керамика с Кондраковского городища близ Мурома и с Пекуновского городища за Кимрами в наших раскопках и с городища Городок близ Калязина в раскопках П. Н. Третьякова. Однако эти находки могут говорить только о далеких деловых связях «ананьинцев» с племенами, оставившими нам древнюю культуру городищ дьяковского типа.

7

Второй период истории городищ Поветлужья представлен пока лишь на одном Одоевском городище, но зато наилучшим образом. Памятники этого периода залегают во втором культурном слое городища, хорошо отделенном от нижнего и верхнего слоев песчано-глинистыми прослойками на большинстве участков (рис. 3). Мощность указанной прослойки между нижним и вторыми слоями указывает на значительность земляных работ по ремонту, увеличению укреплений городища, произведенных скорее всего в начальный момент накопления второго культурного слоя.

Керамика второго периода очень близка керамике первого периода по форме, составу глиняного теста, отчасти орнаменту, будучи связана с ней, несомненно, в самом своем происхождении, но имеются и существенные различия.

Теперь посмотрим, как относится керамика второго слоя ветлужских городищ к керамике позднеананьинских и пьяноборских памятников Прикамья. Прежде всего необходимо констатировать и здесь общее сходство в формах, глиняном тесте с примесью толченой раковины, в элементах и расположении орнамента (например, ср. рис. 4 и «Советская археология», II, стр. 107, рис. 10 [38]). Помимо общего сходства, имеется и сходство детального порядка, но в Прикамье особой близо-

---

[36] А. В. Збруева, Городище Грохань, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.
[37] О. Н. Бадер, Керамика городища Малахай в Чувашской АССР, Рукопись.
[38] А. В. Збруева, Ананьинский могильник, «Советская археология», II., 1937.

стью с ветлужскими отличаются лишь позднеананьинские памятники, как Конецгорское селище [39], и ананьинско-пьяноборские, как Устьсылвенское городище [40] и Турбинское селище [41]. Оно выражается в обилии в это время в Прикамье зигзагового орнамента, частью даже двойного (Конецгорское селище и в особенности Устьсылвенское городище), в заметном уменьшении шнуровой орнаментации, вообще в менее обильном орнаменте, чем в раннеананьинское время. По форме сосудов особенно велико сходство с камской керамикой пьяноборского времени благодаря исчезновению в это время в Прикамье «воротничков» на шейках сосудов. Однако с позднепьяноборским Турбинским селищем рассматриваемая ветлужская керамика имеет меньше общего, чем с соседним Усть-Сыльвенским городищем, поздний предел даты основного слоя на котором определен А. В. Шмидтом и Н. А. Прокошевым как 200 лет до н. э.; сосуды здесь имеют диаметр до 40—44 см, но значительное место занимают сосуды средней величины и маленькие с диаметром до 8 и даже 6 см.; здесь много орнамента в виде двойного зигзага, столь типичного для второго слоя Одоевского городища. И хотя Шмидт и Прокошев датировали Усть-Сыльвенское городище VI—III вв. до н. э., но позднеананьинские остатки на нем, видимо, преобладают; городище не покидалось до первых веков н. э. включительно.

Приведенные сопоставления из области керамики помогают в ориентировочном определении времени второго слоя Одоевского городища как позднеананьинского и раннепьяноборского, т. е. как приблизительно IV—I вв. до н. э.

Во втором слое Одоевского городища, помимо керамики, нами найдены многочисленные и разнообразные предметы из кости и остатки фауны. Костяной инвентарь чрезвычайно близок костяным поделкам городищ Прикамья и в особенности вятских городищ, опубликованным А. А. Спицыным [42].

Знакомство с костяным инвентарем второго периода ветлужских городищ подтверждает датировку его позднеананьинским и раннепьяноборским временем, сделанную по керамическому материалу. Напомним, что наиболее близкие нашим одношипные костяные стрелы встречаются на верхневолжских городищах вместе с бронзовыми украшениями именно позднеананьинских и пьяноборских типов. Для более точной датировки пока нет оснований.

Мы не можем согласиться с мнением А. В. Шмидта, что «развитие материального производства на р. Ветлуге проходило в формах, отличных от волго-камских» [43]. Наоборот, очень большое сходство вещей второго периода ветлужских городищ подтверждает принадлежность последних к ананьинско-пьяноборской культуре. Но, сделав это заключение, мы не должны забывать, что культурные различия в таком сравнительно мало гибком материале, как кость и камень, сказываются всегда слабее, чем в металле и в особенности в керамике. Керамика же из второго слоя Одоевского городища отличается от прикамской опять-таки полным отсутствием «воротничков» на шейках, преобладанием в орнаменте очень характерной двойной «гребенки», излюбленным мотивом двойного зигзага в рисунке, бо́льшим, чем в Прикамье, богатством орнамента, в состав которого входят косые двойные кресты, вовсе отсут-

[39] Сравниваем по материалам наших сборов, хранящихся в Музее археологии Молотовского ун-та.

[40] Н. А. Прокошев, Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье, «Советская археология», X, 1948, рис. 4 и 5.

[41] Н. А. Прокошев, Селище у дер. Турбино, «Материалы и исследования по археологии СССР», I, 1940, табл. II и III.

[42] А. А. Спицын, Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии, «Материалы по археологии вост. губерний», I, 1893.

[43] А. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового

ствующие в Прикамье, стилизованные «уточки» и пр., встречающиеся также по ту сторону Урала.

Перечисленные особенности, как и по отношению к первому периоду, делают необходимым рассмотрение ветлужских городищ второго периода как представляющих своеобразную племенную культуру, родственную ананьинско-пьяноборской культуре Прикамья.

Для населения ветлужских городищ второго периода мы имели возможность установить и более или менее подробно характеризовать следующие производства: мотыжное земледелие, скотоводство, мясную и пушную охоту, рыболовство, металлургию бронзы и железа, гончарство, обработку дерева, обработку кости, из которой изготовлялось очень большое количество разнообразных орудий, плетение и вязание из лыка, бересты и прочих растительных волокон; имеются также материалы для характеристики искусства и тесно связанного с ним в первобытности культа, среди памятников которого особый интерес имеют амулеты из человеческих черепов, носившиеся на шнурке или ремешке, продетом через специально проделанное отверстие.

Основой хозяйства населения ветлужских городищ второго периода было мотыжное огневое земледелие, скотоводство и пушная охота.

Главными орудиями земледельческого труда на этой стадии следует считать железные топоры, уже хорошо известные в Среднем Поволжье и Прикамье, и мотыги, заметно сработанные наконечники которых, сделанные из втульчатых костей, очень хорошо представлены во втором слое Одоевского городища. Именно лесное, подсечное огневое земледелие обусловило процесс постепенного заселения лесных водоразделов, которое повсеместно прослеживается на этой стадии по археологическим памятникам.

Детальное изучение остатков фауны из наших раскопок, проделанное А. Н. Формозовым, показало, что во втором слое Одоевского городища оказалось 75% остатков диких животных и только 25% домашних. Правда, поскольку в подсчет вошло всего 136 особей диких и домашних, вместе взятых, указанное соотношение может в наших раскопках и не отражать с точностью имевшего место действительного соотношения, но все же о чрезвычайно большом значении охоты в хозяйстве ветлужского населения в последние века до н. э. говорить можно с определенностью. При этом 55% количества диких животных принадлежит бобру и 11% кунице и соболю, что не оставляет сомнений в ярко выраженном пушном характере охоты. Следовательно, сбыт пушнины на юг в порядке межплеменного обмена был в то время хорошо налажен, и охота не играла столь существенной роли в пищевом режиме населения, как это могло бы показаться с первого взгляда. Интересны наблюдения А. Н. Формозова над характером проломов на черепах куниц (соболей), наводящих на мысль об употреблении ловушек типа пасти или плашки, а также предположение его об использовании для охоты на того же зверька тупоконечных стрел, оставлявших следы вмятин на черепах; тупых стрел в раскопках не обнаружено. Интересно, что черепа одоевских ветлужских Martes по ряду присущих им особенностей принадлежали «или западной форме соболя, которая не сохранилась до наших дней, или же кунице, ныне исчезнувшей и значительно отличавшейся от современных». Охота на бобров, судя по незначительному количеству костей молодых животных, производилась преимущественно зимой, а не летом, когда добычей охотника становится чаще молодняк; это же наблюдение служит подтверждением пушного характера охоты: зимний мех лучше, дороже.

Среди домашних животных обращают на себя внимание отсутствие костей овцы (быть может, в наших раскопках случайное?) и огромный процент остатков свиньи — 74. Если добычей охотника всегда являются местные животные, то породы домашних животных представляют

для нас значительно больший интерес, так как они могут проливать свет на вопросы происхождения различных домашних животных, являясь определенным элементом культуры. Домашняя свинья ветлужских городищ принадлежит к некрупной, примитивной, длиннорылой лесной расе. Наряду с коровой и лошадь также употреблялась в пищу. Судя по длине ее зубного ряда, ветлужская лошадь «по размерам была средней... для северо-сибирских, восточно-сибирских и монгольских лошадей» [44]. Перед нами опять возможная и крайне интересная связь ананьинской культуры с Азией, с Зауральем.

В эпоху второго культурного слоя защитные сооружения Одоевского городища подвергались ремонту и подсыпке, но работы эти не были значительны.

8

Третий период истории ветлужских городищ представлен материалами из верхнего слоя Одоевского городища, верхнего же слоя Богородского и обоих слоев Чортова городища, на котором верхний слой является позднейшим слоем всего этого культурного комплекса. На площадке Одоевского городища верхний слой лежит на более древних слоях без промежуточных прослоек, но на склоне близ вала его отделяет от второго культурного слоя мощная песчано-глинистая прослойка (рис. 3), свидетельствующая о значительных земляных работах, произведенных где-то у начального момента накопления верхнего слоя. Произведенные тогда работы по усилению защитных сооружений городища подтверждаются и профилем траншеи, разрезавшей основание вала.

Керамика третьего периода резко отличается от керамики предшествующего, второго периода. Прежде всего, вся она плоскодонная (рис. 4), будучи леплена на невращающейся гончарной подставке, на что указывают грубые, непараллельные, беспорядочно расположенные (косые, вертикальные и пр.) штрихи от обработки поверхности. Форма сосудов — приближающаяся то к горшковидной, то к баночной; встречаются также маленькие сосуды в виде широких чашек с сильно отогнутыми шейками; маленькие сосуды, в большинстве повторяющие форму крупных, довольно многочисленны.

Кроме плоского дна, другим важным отличием керамики третьего периода от более древней является примесь к глине толченой дресвы (у 21—42% фрагментов на разных городищах) и шамота (у 48—68%).

Третьим существенным отличием керамики третьего периода от более древней является полное отсутствие орнамента на подавляющем большинстве сосудов.

Сравнивая керамику третьего периода ветлужских городищ по примеру двух первых периодов с пьяноборско-гляденовской и еще более поздней керамикой Прикамья, мы видим разительную разницу, так как в Прикамье керамика продолжает оставаться круглодонной, сохраняет раковинную примесь и относительно сложный орнамент, имеющий, правда, некоторое сходство с орнаментированной частью ветлужской керамики [45].

Но если ветлужская керамика третьего периода резко отличается от вятско-камской, то с керамикой смежных западных областей, т. е. городищ дьяковского типа и им близких, она сходна по всем основным признакам: плоскодонной форме, примеси дресвы и шамота к глине и почти полному отсутствию орнамента.

Железные предметы также заметно отличают инвентарь третьего периода ветлужских городищ от более раннего инвентаря предметов.

---

[44] По А. Н. Формозову.

[45] Н. А. Прокошев, Селище у дер. Турбино, «Материалы и исследования по археологии СССР», I, 1940.

Так, наряду с костяным наконечником мотыги, мы имеем здесь и железный; далее, не только черенки ножей, но и один целый небольшой нож в костяном черенке со сквозным отверстием для продевания шнура или ремешка, а также два железных кольца и лопастную подвеску. Железные вещи, в особенности кольца и нож, близки пьяноборским, притом не ранним, что подтверждено и любезной консультацией А. П. Смирнова.

В то же время для датировки рассматриваемой древней культуры на Ветлуге имеет существенное значение находка в верхнем слое Одоевского городища двух обломков керамики с отпечатками ткани на наружной поверхности и такого же обломка в верхнем слое Богородского городища. Как было показано и нашими раскопками 1932—1933 гг.[46] и раскопками П. Н. Третьякова в ближайшие за этим годы[47], керамика с «текстильными» отпечатками в Верхнем Поволжье удерживается не позднее чем до III в. н. э. Это подтверждает датировку слоев третьего периода ветлужских городищ, сделанную выше по железным вещам, как первые века н. э.

Обилие железных предметов и находка железного втульчатого наконечника мотыги в верхнем слое Одоевского городища предполагают дальнейшее развитие лесного, подсечного земледелия. Но фауна обнаруживает совершенно иное соотношение охоты и скотоводства, чем это было во втором слое Одоевского городища; так, в верхнем слое Одоевского городища остатки диких животных составляют всего 46%, домашних — 54%. Среди охотничьих трофеев попрежнему (хотя и в несколько ином соотношении) преобладают бобр — 33% и куница (или соболь) — 24%. Среди домашних животных еще резче преобладает свинья — 77%, хотя представлены и овца, и лошадь, и корова (родственная современной зырянской). Следовательно, соотношение между охотой и скотоводством заметно изменяется в пользу последнего.

9

Для исторических заключений очень важно, что культура верхнего слоя Одоевского городища и аналогичных ему городищ Поветлужья не имеет прямой генетической связи с культурой предшествовавшего ему второго слоя Одоевского городища. В частности, керамика верхнего слоя в ее происхождении никоим образом не может быть поставлена в генетическую связь с керамикой второго слоя. В более восточных районах, на Вятке и Каме, где такая связь налицо, керамика до позднейшего времени (XIV в.) продолжает оставаться круглодонной, раковинной и т. п., наглядно демонстируя свое местное происхождение на древнейшей, еще ананьинской основе. В то же время керамика верхнего слоя Одоевского городища по форме, составу глиняного теста и некоторым прочим признакам очень близка керамике позднедьяковских городищ более западных районов Поволжья. Это обстоятельство приводит нас к выводу о проникновении в область волжского левобережья западного, вероятно, правобережного населения, приведшее здесь и, в частности в Поветлужье, к смене культурных форм. Время смещения части правобережных племен в области левобережья определяется, вероятнее всего, III в. К этой дате приводит нас присутствие в верхнем слое Одоевского и Богородского городищ единичных обломков керамики с «текстильными» отпечатками; в городищах же дьяковского типа «текстильная» керамика исчезает в III в. н. э., сменяясь грубой неорнаментированной или слабо орнаментированной керамикой с примесью дресвы и шамота, аналогичной керамике верхнего слоя ветлужских городищ.

[46] О. Н. Бадер, Древние городища на Верхней Волге, «Материалы и исследования по археологии», 13, 1950.

[47] П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., «Материалы и исследования по археологии СССР», 5, 1941.

Указанный сдвиг, вероятно, сопровождался военными столкновениями. Свидетельством этого на Ветлуге может служить очень большой позднейший вал Одоевского и Чортова городища и огромные рвы Богородского городища. Чортово городище было сооружено именно в это время; отношение же большой насыпи вала Одоевского городища к грани между вторым и верхним культурными слоями, вернее же всего к начальному моменту образования верхнего слоя, прекрасно доказывается разрезом вала в траншее 1, ясно показывающим, что нижний культурный слой уходит под насыпь вала, а верхний слой покрывает ее основание. Сооружение наиболее мощных валов на многих городищах Верхнего Поволжья относится к этому же времени, что говорит о наибольшем развитии местных столкновений и войн, являющихся выражением общественного уклада военной демократии.

При знакомстве с керамикой позднейших городищ Ветлуги и Унжи делается ясным, что она могла иметь в своей основе керамику типа верхнего слоя Одоевского городища, резко отличаясь от керамики позднейших городищ и могильников левобережья Вятки, связанных с древней племенной культурой удмуртов, так же как от керамики позднейших городищ и могильников средневятской группы (X—XIV вв.) и пижемской группы (X—XII вв.); все эти культуры, в том числе и удмуртская, стоят ближе к культурам пермского края также по керамике — круглодонной, с примесью толченой раковины к глине. С другой стороны, керамика позднейших городищ Ветлуги и Унжи относительно близка керамике одновременных городищ правого берега Волги и северо-западной части Чувашии, подчеркивая тесную культурную связь между волжским левобережьем и правобережьем, установившуюся, как мы видели, еще в первые века н. э. О тех же, притом весьма прочных связях с правобережьем убедительно говорят и древнемарийские могильники, например, могильник Бигер-Шай на р. Чепце (X—XI вв.), устанавливающий один из наиболее далеких пределов продвижения марийцев на восток (А. П. Смирнов).

В свете всего вышесказанного необходимо сделать тот вывод, что культура верхнего слоя Одоевского городища и ему одновременных городищ, имевшая своей нижней датой, вероятнее всего, III в., является культурой древних марийцев — черемис. Вспомним, что первое письменное упоминание о черемисах (цармис) относится к VI в.[48] и второй раз подтверждается в начале X в.[49] Дата верхнего слоя Чортова городища — позднейшего комплекса рассматриваемой культуры — достигала, вероятно, VII—VIII вв. (после чего на городище в IX—X вв. существовал могильник), так что отождествление населения верхнего слоя Одоевского и других городищ с «цармис» — древними марийцами — представляется несомненным.

Познакомившись с керамикой типа верхнего слоя Одоевского городища, А. П. Смирнов также пришел к выводу, что «эта керамика ничем генетически не связана с левобережными городищами Марийской АССР», и, далее, что «весь материал позволяет сделать заключение о проникновении племен Правобережья в лесную зону левого берега Волги и ассимиляции с местным населением... На это проникновение на левый берег Волги указывает также наличие скорченных погребений в Мари-Луговском и Вичмарском могильниках, датируемых временем первых веков нашей эры»[50]. Тем более неожиданно звучит его конечный вывод, сделанный в следующей главе той же работы: «Весь материал городищ

[48] Иордан, Готика, XXIII, 117, 120.

[49] Коковцев, Европейско-хазарская переписка в X веке, Изд. АН СССР, 1933, стр. 99.

[50] А. П. Смирнов, Археологические памятники территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья, 1949. Как известно, скорченность погребений сохраняется на Правобережье у мордвы до XIV в. включительно.

и могильников ясно показывает, что культура племен междуречья Волги — Вятки, которые были известны под именем черемисских с VI века нашей эры, генетически связывается с более ранней культурой края, что дает бесспорное право утверждать, что племена, известные аланскому монаху Иордану и хазарскому царю Иосифу под именем цармис, сложились здесь, в междуречье Волги — Вятки, и нет никаких оснований говорить об их миграции». Это заключение не вытекает из выводов, сделанных самим автором из анализа фактического материала.

Мы полагаем, что образование древнемарийских племен (цармис), от которых произошел современный марийский народ, восходит к первой половине I тысячелетия н. э. и связано с передвижением части правобережного населения Поволжья в область левобережья, установившим культурную близость и родство населения обеих этих областей, подтверждаемые более поздними достоверно марийскими археологическими памятниками и находящие современное отражение в национальном единстве горных и луговых мари.

Особняком среди обследованных нами стоит Юрьевецкое городище, запирающее устья Унжи. Оно принадлежит к числу городищ дьякова типа и по керамике может быть датировано ориентировочно II в. н. э.

К позднейшим городищам относятся четыре городища на Ветлуге и три на Унже. Все они, благодаря бедности материала, поддаются лишь весьма относительной датировке по керамике. Все они дали плоскодонную керамику очень позднего облика и, без сомнения, являются более поздними, чем верхний слой Одоевского и даже Чортова городищ.

Ухтубужское городище на Унже является единственным, керамика которого имеет некоторые черты сходства с керамикой верхних слоев Одоевского, Богородского и в особенности Чортова городища, главным образом в форме сосудов.

На Ветлуге относительно примитивной керамикой, сделанной без помощи гончарного круга, обладают городища Спасское и Троицкое, но ни по профилям шеек, ни по составу глиняного теста и обработке поверхности их керамика не объединяется ни с Чортовым, ни с Ухтубужским городищами и не говорит также в пользу ясного объединения этих двух городищ.

На Унже, видимо, довольно близки Спасскому и Троицкому — Рапоновское и Сизеневское городища, давшие лишь крайне фрагментарный материал.

Шангское городище отличается керамикой, сделанной на быстро вращающемся гончарном круге, и напоминает славянскую.

Наиболее поздний облик имеет керамика Петряевского городища; отличается высокой техникой и не имеет прямых аналогий на остальных городищах.

Наконец, на Троицком городище, помимо относительно примитивной, слабо представлена также керамика, сделанная на совершенном гончарном круге, очень сходная с современной.

Перечисленные позднейшие культурные комплексы, расположенные выше примерно в порядке их относительной хронологии, не дают оснований для их твердой абсолютной датировки. Ухтубужское городище, благодаря некоторому культурному сходству его с Чортовым городищем, можно поместить в самый конец I тыс. или на грань его со II тыс. Все прочие, еще более поздние памятники, относятся ко II тыс., к его началу (к этой дате присоединяется и А. П. Смирнов[51]), а вернее, ко всей первой половине II тыс.; эта дата предусматривает частичное сосуществование позднейших городищ с раннерусскими поселениями.

---

[51] А. П. Смирнов, Археологические памятники территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья.

Рассматриваемые городища являются поселениями марийцев, что подтверждается также тремя исследованными на Ветлуге могильниками, к сожалению, почти не изданными. Первый из них — тройное погребение на Чортовом городище, открытое В. И. Каменским во время раскопок городища в 1908 г. [52],— возник здесь, вероятнее всего, уже после того, как городище было покинуто его обитателями. По наличию усатых бронзовых застежек, браслетов, костяных и стеклянных бус и по аналогиям в Лядинском и Томниковском могильниках погребения на Чортовом городище датированы А. А. Спицыным временем около IX в.

Второй могильник на Ветлуге — Черемисское кладбище, исследованное в том же 1908 г. П. П. Ефименко [53], относится к VIII—X вв.; между прочим здесь найдено интересное погребение кузнеца-литейщика. Место раскопок было в 1925 г. подробно обследовано автором, но, не считая снятого плана могильника, не дало ничего нового.

Наконец, третий могильник обнаружен в 1929 г. у хут. Веселова, в 35 км от г. Ветлуги. Тогда же раскопками М. П. Званцева на нем вскрыто 13 погребений, сопровождавшихся остатками марийской материальной культуры XII—XIII вв. [54].

Тогда же, в первой половине II тыс., началось проникновение в край русских.

Таким образом, в период, предшествовавший появлению русских, марийское Поволжье на протяжении тысячелетий служило ареной интенсивного взаимодействия и скрещения между уральскими и восточноевропейскими элементами — антропологическими, культурными и, конечно, языковыми,— в отдельные исторические моменты приводившего к преобладанию то тех, то других. Новейшая фаза этого процесса наступает вместе с появлением здесь русских поселенцев.

10

История заселения Поветлужья и смежных областей Заволжья русскими представляет собой один из этапов непрерывного тысячелетнего движения русских на восток. Это великое движение своей исходной областью имело территории расселения древнеславянских племен VI—X вв. в Приильменье (новгородские славяне), в верховьях Волги, Западной Двины, Днепра (кривичи) и Оки (вятичи), в свою очередь тесно связанных с более ранними центрами славянского этногенеза, располагавшимися между Окой и Вислой и от Среднего Днепра до Карпат [55].

К востоку от волго-окских верховьев лежали пространства, служившие с древнейших времен ареной скрещения между восточно-европейскими и уральскими элементами. Так, в среднем течении Оки, вниз от устья Москвы-реки, в I—VII вв. н. э. обитали племена скотоводов и земледельцев, известные нам по многочисленным и богатым рязанским бескурганным могильникам, иллюстрирующим чуждую славянам, видимо, волго-финскую [56] этническую среду; погребальный ритуал и материальная культура этих могильников достаточно ясно говорят об их тесных связях с пьяноборской и близкой ей культурой Среднего Поволжья (Кошибеево — Иваньково — Криуши) и Прикамья [57], а антропологиче-

---

[52] В. И. Каменский, Чортово городище в Ветлужском у. по раскопкам 1908 г., Сборник музея антр. и этногр. Акад. Наук, VII, СПб., 1909.

[53] Отчет Археологич. комиссии за 1908 г., СПб., 1912.

[54] Заметки: «Найден древний могильник» и «Могильник финского происхождения XII—XIII века», газ. «Нижегородская коммуна», № 115 (3160) от 23 мая 1929 г.

[55] А. Д. Удальцов, Доклад о происхождении славян на сессии Крымского филиала Академии Наук 20—23 сент. 1948 г., «Вопросы истории», 1948, 12.

[56] А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, Сборн. «Советская этнография», VI — VII, 1947.

[57] А. А. Спицын, Древности бассейнов рек Оки и Камы, «Материалы по археологии России», 25, 1901.

ский тип, выявленный Т. А. Трофимовой по материалу раскопок автора на Борковском могильнике под Рязанью (1937), характеризуется как урало-лапоноидный [58].

В середине VII в. могильники рязанского типа повсеместно исчезают, и памятники последующих столетий, по крайней мере до X в., остаются для Рязанской территории совершенной загадкой. Это создает впечатление, как будто край на данное время пустеет [59]. Существенно важно, что «в эпоху исчезновения рязанских могильников на соседней, Муромской территории в те же десятилетия VII в. возникает новая группа могильников, обнаруживающая значительную близость к рязанским» [60]. Их дата VII—XI вв.

Антропологически население, оставившее муромские могильники, судя по двум плохой сохранности черепам из Подболотьевского могильника, можно условно также отнести к урало-лапоноидному типу [61].

До сих пор не объясненное исчезновение рязанских могильников и одновременное появление очень близких им могильников на смежной к востоку территории представляется возможным поставить в зависимость от столкновения со славянами, т. е. связать с одним из начальных этапов продвижения славян на восток, именно вятичей, поселения и курганы которых с остатками пережженных костей в деревянных срубах в VI—X вв., как известно, занимали смежное верхнее течение Оки и верховья Дона [62], а отсутствие их на Средней Оке может объясняться ее пока еще недостаточной изученностью; на Верхнем Дону древневятичские курганы также пока единичны. Для несколько более позднего времени (XII в.), судя по характеру курганных могильников, факт заселения рязанского течения Оки вятичами, еще сохранявшими тогда свое племенное имя, представляется несомненным [63]. На карте древнерусских племен, составленной А. А. Спицыным и опубликованной недавно П. Н. Третьяковым [64], земля вятичей по Оке достигает р. Прони, соприкасающейся верховьями с Доном. Основными путями расселения славян на Средней Оке служила, вероятно, не только сама Ока, но и Верхний Дон с Проней.

В связи с этим необходимо указать на факт поразительного сходства черепов вятичей из зарайских курганов с черепами северян судженской группы [65], позволяющий предположить, что они являются частями некогда разорванного целого. Возможно, что тип зарайских вятичей попал на Оку в результате движения туда через верховья Дона, оттеснившего длинноголовых уралоидов, оставивших могильники рязанского типа.

Если столкновение с вятичами заставило часть (быть может, основную часть) древних окских финнов отступить в район Мурома, то другая часть их, по всей вероятности, осталась на месте, потеряла свои старые родовые связи, была вместе с пришлым населением перемолота на мельнице феодализации и всецело слилась с ним. Это нашло свое выражение в антропологической характеристике черепов из вятичских

---

[58] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, 1, стр. 131.

[59] П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам, «Советская археология», II, 1937.

[60] П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры (Тезисы доклада), Изд. АН СССР, 1936.

[61] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, 1948.

[62] П. Н. Третьяков, Археологические памятники восточно-славянских племен в связи с проблемой этногенеза, «Краткие сообщения ИИМК», II, 1939.

[63] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, 1930.

[64] П. Н. Третьяков, Археологические памятники древнерусских племен, Ученые зап. ЛГУ, № 85, 1949.

[65] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, 1, стр. 131.

курганов, демонстрирующей не только значительную примесь урало-лапоноидного долихокефального компонента (отмеченного выше для Борковского могильника) к долихокефальному узколицему европеоидному, но и преобладание урало-лапоноидных форм у вятичей [66]. Последнее могло явиться результатом не только более древних скрещений, несомненно имевших место, но должно было заметно усилиться в процессе расселений вятичей вниз по Оке, на восток.

В славянском заселении северной и восточной частей Рязанского края приняли участие и кривичи. Однако «курганное» население этих районов оставалось, видимо, почти целиком местным, лишь обрусевшим, что вытекает из локализации здесь урало-лапоноидного мезокефального типа в чистом виде, без примесей европеоидных компонентов [67].

Представление об исчезновении рязанских могильников и преемственной связи с ними могильников муромских, как о процессе отступления окских финнов на восток, подтверждается датировкой крайнего на востоке рязанского Курманского могильника, находящегося у Касимовской гряды и относящегося к VIII и началу IX в. [68], т. е. к более позднему времени, чем все остальные рязанские могильники.

На юге и востоке могильники муромской группы соседят с культурно-родственными им могильниками территории Мордовии и Среднего Поволжья, доходящими до Саратовской области, существующими до XIV и даже XVIII вв. и принадлежащими предкам мордвы, марийцев и чувашей [69]. По «Повести временных лет» «по Оце реце, где втечеть в Волгу, Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Мордва свой язык»; и отождествление Муромских могильников с летописной Муромой наиболее вероятно; и мурома, и черемисы, и мордва, судя по тому же источнику, уже платили дань Руси.

С начала XI в. инвентарь и характер погребений в могильниках муромской группы приобретает совершенно иной облик, приближаясь к рядовым «русским курганным захоронениям» [70]. С этого времени и здесь формируется русское население, к которому следует отнести и «Пургасову Русь».

При заселении более северной Ростово-Суздальской области вятичи не играли никакой роли. По мнению А. А. Спицына, основанному на раскопках тульских и калужских курганов, вятичи «стояли совершенно в стороне от колонизационного движения на Суздаль. Для них было вполне достаточно свободных мест по средней Оке и по р. Москве...» [71] Здесь, на Верхней Волге основной действующей силой явились кривичи, более многочисленные и стоявшие на более высоком культурном уровне. Еще в VI—X вв. длинные курганы кривичей, в соответствии со свидетельством Начальной летописи, занимали обширную область днепровских, двинских и волжских верховий [72], спускаясь по Волге до г. Мышкина (курганы у д. Охотино) [73], т. е., вероятно, до устья Мологи и Шексны. При этом для интересующей нас темы существенно важно, что наиболее восточные длинные курганы кривичей являются позднейшими

---

[66] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, 1, стр. 115.

[67] Там же, стр. 114.

[68] П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам.

[69] Там же. (Тезисы доклада).

[70] Там же.

[71] А. А. Спицын, Владимирские курганы, Изв. Археол. ком., вып. 15, 1905.

[72] П. Н. Третьяков, Археологические памятники древнерусских племен. «Ученые записки ЛГУ», № 85, 1949.

[73] О. Н. Бадер, М. В. Талицкий, Ю. А. Шибаева, С. М. Добров, Л. С. Мстиславский, Позднеродовые и феодальные селища и могильники на Верхней Волге между Скнятином и Мологой, Изд. ГАИМК, 109, 1935.

шими, насколько можно судить об этом по раскопкам длинного кургана на речке Куксе между Калязином и Угличем, давшего вещи IX—X вв. [74]

Судя по данным Начальной летописи, в конце I в. «на Белоозере седять Весь, а на Ростовьском озере Меря, а на Клещине озере меря же»,— население, которому первоначально был чужд русский язык. Обобщив очень большой археологический материал из владимирских курганов, А. А. Спицын пришел к выводу, что «в X в. Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль» [75]. На Волге, близ Ярославля замечательным памятником этого продвижения, содержанием которого являлся приток земледельческого населения, слияние его с аборигенами и, несомненно, поступательный процесс феодализации, являются большие «дружинные» курганы X в. у с. Михайловского. «В XI—XII вв. этот (ростово-суздальский.— *О. Б.*) край, кроме естественного прироста населения, усиливается ассимиляцией инородцев и новым притоком населения главным образом из области тех же кривичей, как смоленских, так и двинских» [76].

По Т. А. Трофимовой, «с большой степенью вероятия также и на основании антропологических данных мы можем утверждать движение европеоидного типа кривичей с территории б. Смоленской и Тверской губ. на восток в области, занятые «мерей», на основании ослабления европеоидного комплекса в более восточных районах» [77].

Происшедшее в X—XII вв. слияние кривичей на этой новой территории с аборигенным неславянским населением хорошо прослеживается на материальной культуре владимирских курганов, содержащей незначительную, но ясно выраженную примесь неславянских вещей (подвесок в виде коньков и пр., перстней с привесками, пронизок), тождественных или весьма близких культурной среде Заволжья и Приуралья.

В этой связи следует отметить и частые находки во владимирских курганах и даже в курганах у с. Михайловского глиняных медвежьих лап, вероятно имевших отношение к культу медведя, столь распространенному издавна в Приуралье и в Сибири.

О слиянии с аборигенами мерей говорят и черепа из владимирских курганов, дающие представление об уже смешанном антропологическом типе населения, в состав которого, помимо основного европеоидного длинноголового типа, входит уже сильный мезокефальный урало-лапоноидный компонент, что не характерно для западных, основных кривичских территорий, искл ч кривичей б. Ельнинского и Брянского уездов [78].

Таким образом, мы видим, что еще в период до XII в. русское население современной Средней России формировалось в процессе скрещения с древней местной волго-финской средой, в своем происхождении и истории имевшей наиболее тесную связь с древними этнокультурными массивами Поволжья и Прикамья. Это положение подтверждается также данными языкознания, говорящими о вхождении в состав русского языка некоторых волго-финских элементов [79]. О том же говорят работы по русскому костюму [80], жилищу и другим элементам материальной культуры [81].

---

[74] П. Н. Третьяков, Археологические памятники древнерусских племен.
[75] А. А. Спицын, Владимирские курганы.
[76] Там же.
[77] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии.
[78] Там же.
[79] Соболевский, Русско-скифские этюды.
[80] В. В. Богданов. Из истории женского южновеликорусского костюма, «Этнографическое обозрение», 1914, № 1—2.
[81] С. П. Толстов, К проблеме аккультурации, «Советская этнография», 1—2, 1930

Еще одна мощная русская волна на восток, используя удобные речные пути, шла из древней земли новгородских славян через Заволжье на Северный Урал, минуя Поволжье. Известно, что в XI и XII вв. новгородцы не только постоянно бывали в Заволочье, Перми и даже Югре, но и взимали с них дань (Повесть временных лет и другие источники). По тем же путям, т. е. с севера, через Устюг русские уже в конце XII и начале XIII в. появились на Вятке [82], в районе Хлынова.

Гораздо медленнее шло продвижение русских на восток в области Поволжья, которое нас здесь преимущественно интересует. Если проследить распространение курганов X и начала XI в. с исконно-славянским обрядом трупосожжения, то на северо-востоке граница их, а тем самым и граница несомненно славянского населения пройдет, по П. Н. Третьякову, в районе Рыбинск — Кинешма в общем по течению Волги. К северу и востоку от этой линии, где курганы с сожжением единичны, в то время не было сплошного русского населения. В костромском Поволжье последнее можно констатировать лишь с XII в., вероятно, с его второй половины, когда русское население (а вместе с ним и феодальные отношения) переходят здесь уже на левый берег Волги [83]. В состав этого населения в XII в. «бесспорно вошло старое местное население, о чем свидетельствуют: ряд черт костюма; необычное для русских курганов число орудий труда, полагаемых в погребение; наконец, керамика костромских курганов, которая скорее всего может быть сближена со старой местной посудой... Можно предполагать так же наличие значительного притока нового русского населения из районов Ярославль — Ростов — Суздаль, где оно сложилось несколько ранее» [84]. Замечательно, что в погребениях народов Поволжья обычай класть в могилы орудия труда сохранился вплоть до XVI—XVII в. (хотя бы языческие кладбища марийцев) [85]. Среди бронзовых украшений, носившихся на костюме, в костромских курганах очень велико число нерусских, восточных, явно тяготеющих к Приуралью вещей, «бытующих в эту эпоху в смежной туземной среде». «Несомненно, что «чудские» вещи здесь бытуют равноправно, войдя как обязательная принадлежность в состав костюма» и иллюстрируя процесс слияния местного населения с русскими пришельцами. «Приблизительно тот же набор украшений дают могильники XIII—XIV вв. у г. Тотьмы» [86].

Еще убедительнее о слиянии славян-кривичей с нерусским местным населением говорит антропологический материал из костромских курганов, дающий локализацию здесь признаков мезокефального сублапоноидного комплекса в почти чистом виде [87]. «У нас ныне есть все данные для того,— говорит Т. А. Трофимова,— чтобы, раскрыв кавычки, связать этот сублапоноидный комплекс с мерей, обитавшей в этих районах (по словам летописца)». И хотя костромское Поволжье, в особенности его нижняя часть, находится далеко от Переяславского и Ростовского озер, где Начальной летописью помещается меря, и костромское Поволжье, в особенности в близких к Унже частях, могла занимать уже не меря, а мари

---

[82] И. Луппов, Вятка. Исторический очерк, БСЭ, 14, 1929.— Против заселения Вятки русскими в XII в. выступал А. С. Верещагин (Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами в XII веке?, Труды Седьмого археол. съезда, т. 1, 1890).

[83] В этой связи исключительный интерес представляет находка горьковским краеведом Б. А. Сафоновым у д. Андроново, в 10 км от гор. Городца, на левом берегу Волги древнего славянского селища, материал с которого, по словам Б. А. Сафонова, был предварительно отнесен Б. А. Рыбаковым к IX в. Эта находка требует тщательной проверки.

[84] П. Н. Третьяков, Костромские курганы, Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931.

[85] Там же.

[86] Там же.

[87] Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии

или какие-либо промежуточные, родственные тем и другим племенные образования, справедливость в целом вывода о слиянии с русскими в Заволжье первоначально чуждого им, финно-угорского по языку, местного населения не подлежит сомнению.

Близость племенных названий мери и мари очевидна [88], подтверждая вывод о родственности дорусского населения переяславско-ростовского, костромского и унженско-ветлужского Поволжья.

По исследованиям советских антропологов, основная масса современных марийцев, удмуртов, коми-пермяков, т. е. народов волжского левобережья, говорящих на близких между собой языках восточнофинской ветви урало-алтайского семейства, отличается более или менее выраженными комбинациями монголоидных признаков, субуральский и лапоноидный типы здесь хорошо представлены [89]. Как известно, в древности последние локализовались у ананьинских племен Прикамья [90].

Наиболее восточным районом, где известны славянские курганы, являются окрестности г. Галича; там они относятся к XIII в. [91] Значение Галича как растущего экономического центра обусловило превращение его уже в 1240 г. в удельный центр (Воскресенская летопись). В руках Галича сосредоточивается большая торговля мехами, а также солеварение — солигалические и усольские соляные варницы. Через Галич прошла дорога из Москвы и Костромы на Вятку, в XIII в. уже освоенную русскими со стороны Устюга; при этом русские застали там, в районе Хлынова и Котельнича, чудь, вотяков и черемисов. По летописи Воскресенского монастыря, у Соли Галической еще в XIV в. жила «чудь», а в районах более восточных русское население тогда еще совсем не начинало складываться [92].

Однако последнее положение вряд ли вполне точно. В то время уже существовала Хлыновская область на Вятке, верхнее и среднее течение Унжи и Ветлуги входили в состав Галичского княжества, низовья Унжи — в Нижегородское княжество, а во второй половине XIV в. земли, лежащие по рекам Унже и Ветлуге (исключая нижнее течение последней), были официально присоединены к Москве [93].

Унжа, благодаря своему более западному положению, была, без сомнения, ранее, чем Ветлуга, заселена русскими, хотя ниже устья Оки и по волжскому левобережью ниже устья Унжи долгое время продолжал существовать массив нерусского населения. Продвижению русских в Заволжье сильное противодействие оказывало сперва, в X—XIII вв., Булгарское государство, затем, в XIII—XV вв.,— Казанское ханство. Во второй половине XV в. Москва освобождается от татарского владычества, благодаря чему усиливается продвижение русских в Заволжье. Тогда же происходит «усмирение» черемисов, разорявших своими набегами русское население в Унженском и Галицком краях [94]. Вероятно, Унженский край начал заселяться русскими уже в XIII в., памятником чего является русская керамика на Ухтубужском городище. Судя по очень позднему характеру унженских марийских городищ, процесс заселения русскими был постепенным и протекал не как смена населения, а как слияние марийцев с русскими [95], в силу чего некоторое время русские и марийские

---

[88] Т. Семенов, К вопросу о родстве и связи мери с черемисами, Труды Седьмого археол. съезда, т. II, 1891.

[89] И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов, Ученые зап. МГУ, вып. 63, 1941.

[90] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, 1948.

[91] П. Н. Третьяков, Костромские курганы.

[92] Там же.

[93] «История СССР», т. I, изд. второе, 1947.

[94] Д. А. Золотарев, Этнографический очерк Поволжья, Сборник «Поволжье», Л., 1926.

[95] Об этом говорят и данные антропологических исследований в Унженско-Ветлужском крае.

поселения существовали в бассейне Унжи бок о бок, по соседству, а, может быть, и «чересполосно».

Проникновение русской этнической струи в Поветлужье могло не сильно отставать от заселения Унжи, но началось оно вряд ли раньше XIV в. Единственным археологическим памятником этого является найденный нами на Русенихинском городище своеобразный медный крестик с ушком; по определению покойного А. В. Орешникова, находка принадлежит к числу крестов тверского изделия, распространявшихся на восток, вниз по Волге в XII и начале XIII в.

Направление раннего русского расселения в Поветлужье определяется не как путь с юга на север (с Волги в устье Ветлуги и далее вверх по реке), ибо Средняя Волга тогда была в зависимости от булгар, затем татар, а с запада на восток, с Унжи через водораздельные леса — на Ветлугу. При этом заселена была сначала верхняя часть Поветлужья. Об этом говорит наибольшее сближение Унжи и Ветлуги именно в верхнем их течении, очень большое сходство керамики Шангского городища, сделанной на быстровращающемся гончарном круге, со славянской керамикой, явившееся, надо думать, результатом культурного скрещения, а также и данные русского фольклора, записанные нами именно в верхнем Поветлужье, в окрестностях Одоевского городища, в д. Мундор. Предание гласит, что первые русские жители пришли на Ветлугу, в район Одоевского городища с Унжи вслед за ушедшим у них быком; первым русским поселенцам, судя по тону предания, пришлось войти в конфликт с чуждым им местным населением, жившим на городище, после чего это местное население покинуло городище и ушло за Ветлугу, в леса, на Быково озеро.

Нашей экспедицией записан и другой вариант о быке, а именно: бык привел поселенцев не с Унжи, а с Вятки. «Легенда о заселении Ветлужского района, на основании исследований культуры и быта местного русского населения, как будто имеет свою правду: эти исследования показывают, что жители Ветлужского района должны быть в этнографическом отношении связаны либо с районом северо-западным от Ветлужского уезда, либо с северо-восточным» [96].

Население б. Ветлужского уезда представляется наиболее древним русским населением Поветлужья [97].

Первоначально русское земледельческое население, вероятно, просачивалось на Ветлугу очень медленно, лишь местами и совершенно неорганизованно, в виде отдельных семей, селившихся здесь на свой страх и риск. Так, Воскресенская летопись, описывая возвращение новгородской рати после взятия Болгар в 1374 г., повествует: «....а оттуда раздьлишася на двое: 50 укшуев поидоша на низ по Волге и дошедше Обухова, пограбиша все Засурие и Марькваш и перешед за Волгу суды все изсекоша, а сами поидоша к Вятке на конех, и много сел на Ветлузе идуше пограбиша». Отсюда следует, что в XIV в. Ветлуга была, видимо, еще почти целиком марийской рекой.

Весь ранний период русской истории Поветлужья пока нем археологически. Только к XVI—XVII вв. можно отнести русскую керамику, найденную на Спасском городище. Видимо, не чем иным, как немирными взаимоотношениями с татарами и вначале с пришлым русским населением следует объяснять уединенное расположение позднейших марийских городищ — вдали от реки, на краю поймы (Троицкое городище) и еще дальше, в стороне от реки (Петряевское городище).

В Нижнем Поветлужье, в его левобережье известно несколько ма-

---

[96] В. С. Жуков, Человек Ветлужского края, «Производительные силы Нижегородской губернии», вып. 3, Н.-Новгород, 1926.

[97] Там же.— В других районах, например Уренском и Нижне-Ветлужском, не встречено и легенд о быке.

рийских могильников XVI—XVIII вв., исследованных преимущественно Е. И. Горюновой по линии Ветлужской экспедиции Антропологического института МГУ. Могильники иллюстрируют, с одной стороны, их тесную связь с более ранними ветлужскими погребениями типа Черемисского кладбища, исследованного П. П. Ефименко, и, с другой стороны, с горномарийскими могильниками. Эти могильники дают также многочисленные параллели с этнографическими чертами современных мари западной части Марийской АССР и, в частности, Нижнего Поветлужья и показывают прочно удерживающуюся самобытность марийской культуры, а также и древнее язычество.

Черепа этих могильников относятся к субуральскому или сублапоноидному типу, отличаясь одной своеобразной особенностью (резко выраженный альвеолярный прогнатизм — негроидный или малайский признак), которая, по мнению Г. Ф. Дебеца [98], является скорее всего свидетельством прямой связи между субуральским типом мари и известной частью населения той же местности в эпоху бронзы, ибо той же особенностью отличается женский череп из Абашевского могильника у Катергино-Бишево в Чувашии и даже поздненеолитические черепа погребений на Гавриловской стоянке на краю Балахнинской низины [99]. Наличие этих своеобразных антропологических черт, свойственных позднейшему марийскому населению Поветлужья и волжского левобережья, у древнейшего правобережного населения близ устья Оки и в Чувашии может служить дополнительным аргументом в пользу происшедшего некогда этнического сдвига с правого на левый берег Волги, тесно связанного с начальными этапами сложения древней марийской племенной общности.

---

[98] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.— Л., 1948.

[99] М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949; Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, «Советская этнография», 1950, 3.